

A romantic couple in a medieval setting. The woman, on the left, has long brown hair in a braid and wears a dark green dress with a square neckline and multiple necklaces. The man, on the right, has dark wavy hair and wears a dark leather coat over a red shirt. They are holding hands and looking at each other. The background is a dark, misty night scene with a castle and lanterns.

*Сказка о ведьме,
укрававшей Азуррудное
сердце*

Аста Морриган

Аста Морриган

**Сказка о ведьме, укравшей
Изумрудное сердце**

«Автор»

2026

Морриган А.

Сказка о ведьме, укравшей Изумрудное сердце / А. Морриган —
«Автор», 2026

Адель Абендрот — «живой щит» между разгневанными клиентами и корпорацией. Её серая реальность в Бриджтауне состоит из звонков и старой сказки о «Рыцаре с Изумрудным сердцем», купленной в детстве на распродаже. Адель всегда сочувствовала книжной ведьме, но могла ли она представить, что сама окажется на её месте? Один обморок меняет всё. Опенспейс сменяется хижинкой на краю леса, а привычный гул офиса — шёпотом деревенских жителей, клеймящих её еретичкой. Теперь Адель внутри сюжета, где её роль второстепенна, а финал — трагичен. Сможет ли она переписать историю, пока страницы не закончились? И что случится, когда она воочию встретит того, кто в книге был символом доблести, а в реальности может стать её палачом?

© Морриган А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Аста Морриган

Сказка о ведьме, укравшей Изумрудное сердце

Пролог

Темнота здесь была насыщенной. Она ощущалась тяжёлой и вонючей — дышала сыростью каменных стен и липла к коже невидимой слизи. Я сидела на холодном полу, подтянув колени к подбородку, и считала капли, срывавшиеся откуда-то с потолка. Кап. Пауза. Кап. Пауза. Досчитала до четырёхсот двадцати семи и сбилась. Пальцы на ногах перестали чувствовать. Опять отвлеклась.

Сколько я уже здесь? Два дня? Пять? Время в этой яме не текло — оно застаивалось, словно тухлая вода в углу.

— Пожалуйста, успеи... — хрип сорвался с потрескавшихся губ.

Забавно: они боялись меня настолько, что сковали руки железом с рунами, а я даже свечку не в состоянии зажечь. Я прикрыла глаза, и память вспыхнула обрывками: запах леса и походного костра, низкий смех, глаза цвета лесной хвои и голос, с уверенностью произносящий: «Всё будет в порядке, Ада. Я обещаю».

Обещал.

Где-то наверху ударил колокол. Раз. Второй. Третий. Колокол на рассвете бил лишь по одному поводу. Значит — сегодня.

В конце коридора дрогнул огонь факела, и сердце предательски ёкнуло. *Он?* Но надежда обратилась в пепел, когда послышался лязг доспехов. К решетке подошли. Зазвенели ключи, заскрежетала дверь. Человек с глазами, в которых не было ничего кроме жгучей поглощающей ненависти, смотрел на меня.

— Вставай, еретичка. Костёр уже ждет.

Какая честь. Меня ждут. В прошлой жизни меня не ждал даже водитель автобуса.

Циничный голосок в голове — последнее, что у меня осталось от прошлого. Пускай болтает. Пока он ерничает, я не могу кричать.

Стены кончились, и рассветное небо обрушилось на меня всей своей серой тяжестью. Меня вели к помосту через площадь. Толпа гудела, предвкушая зрелище: женщина поднимала повыше ребёнка, чтобы тому было лучше видно как ведьму ведут на казнь, торговец продавал горячие лепёшки.

Они взяли с собой детей. И еду. Как на ярмарку.

Я не смотрела на них. Среди толпы зевак, доспехов и знамён я искала только одно — того, ради кого прошла через этот ад. Человека, который обещал, что всё будет иначе.

Его не было.

Грубые руки прижали меня спиной к столбу, верёвки впились в запястья. Монах в черной рясе читал нараспев — про скверну, ее очищение и милость, которая почему-то всегда костер. Кто-то снизу поднёс факел к сухим дровам, и первое робкое потрескивание прозвучало в тишине как приговор. Толпа ликует.

Дым пополз вверх, тонкий и обманчиво ласковый. Я подняла голову и посмотрела на горизонт, где серое небо сходилась с чёрной кромкой Тёмного Леса. Где-то там, на колючем сене, в холодной лачуге, начиналась моя история. И кажется, там же ей суждено было закончиться.

Ветер сменился, дым лизнул лицо, и я в последний раз прошептала — не толпе, не небу,
а тому, кто, возможно, даже не придет:

Не успел.

Глава 1

Каждый мой день — симфония гудков, щелчков клавиатуры и чужого раздражения, исполняемая по кругу в душном аквариуме колл-центра. Официально моя должность звучит как «сотрудник отдела поддержки пользователей». По факту — Адель Абендрот, двадцати пяти лет от роду, живой щит между разгневанными клиентами и телевизионной корпорацией, которой плевать на них с высокой антенны. Приятно познакомиться. Наверное.

— Девушка, я в десятый раз повторяю: у меня чёрный экран! — кричал в трубку очередной недовольный клиент. — Ваш хваленый «премиум-пакет» показывает мне только моё собственное отражение!

За такие деньги это все, на что он способен, — мысленно заметила я, прикрывая глаза и массируя висок.

— Понимаю вас. Пожалуйста, попробуйте ещё раз выключить приставку из розетки, подождать ровно минуту и включить снова.

— Я уже это делал!

— Тогда давайте сделаем это еще раз, вместе, — голос звучал до отвращения спокойно. Годы тренировок, за которые спина привычно ссутулилась, а внутри выросла толстая корка цинизма.

Пока клиент ворчал и отсчитывал свою минуту, взгляд зацепился за розовый стикер на мониторе: «не забыть купить молоко». Единственное яркое пятно в кабинке. Молоко, кстати, так и не было куплено — третий день подряд. Рекорд шёл на четвёртый.

— О!.. Заработало, — недоверчиво сообщила трубка. И, конечно, без всякого «спасибо» голос сменился на короткие гудки.

— Всегда пожалуйста, — сказала я в пустоту. Пустота, как обычно, не возражала.

Соседка по кабинке, Марта, высунулась из-за перегородки и сочувственно протянула мармеладного червяка. У Марты была теория, что сахар лечит всё, включая ненависть к человечеству. Теория не работала, но червяки исправно принимались. Сладкое плацебо тоже надо кому-то есть.

Последний звонок дня достался бабушке, у которой «пропал канал с сериалами». С бабушками было проще всего — они на тебя не орали. Двадцать минут ушло на поиски кнопки на пульте, и когда сериал наконец вернулся, она сказала: «Спасибо, деточка, счастья тебе да мужа хорошего!». Запишем в воображаемый список достижений. Список был коротким.

Часы показали 18:10. Гарнитура полетела на стол с таким стуком, что Марта вздрогнула. Конец рабочего дня.

На улице встретил промозглый осенний вечер. Бриджтаун дышал сыростью и выхлопными газами. Город-лабиринт, поставленный на дыбы: небоскрёбы-человеюники подпирали тяжёлое низкое небо, а между ними, зажатые в кольцо рек, пульсировали улицы — фары в бесконечной пробке, неон вывесок, отражённый в мокром асфальте. Золочёные фасады соседствовали с грязными подворотнями, и никого это не смущало. Жителей Бриджтауна вообще трудно смутить. Поплотнее закутавшись в толстовку и поправив рюкзак на плече, я двинулась вновь по давно изученному маршруту. И ноги уже сами несли меня к «Кузнице».

Стоило толкнуть тяжёлую дверь — и в нос ударил запах свежемолотых зёрен с корицей, а следом тепло. После промозглой улицы «Кузница» всегда казалась другим миром: холодный бетон стен, пол с текстурой застывшей лавы, открытые лампы, заливающие всё янтарным светом. И массивная стойка из дерева и металла имитирующая наковальню. За ней, протирая стаканы, стоял он. Адриан. Местный бог кофе и по совместительству единственный человек, чьё общество не вызывало желания немедленно сбежать. Светлые непослушные волосы собраны

в небрежный пучок, в ушах поблёскивают серьги. Когда он поднял взгляд, карие глаза потеплели.

— Моя любимая мученица, — улыбнулся он, и кольцо в губе блеснуло в свете ламп. — Опять спасала мир от неработающего модема и заговора сломавшихся пультов?

— Что-то вроде того. Мир, правда, не в курсе, даже спасибо не сказал, негодяй. — усталая улыбка вышла почти искренней. — Мне как обычно. Американо и шот эспрессо. Надо смыть этот гадкий день порцией напитка богов.

— Одна порция жидкого мужества для леди Адель! — провозгласил он и принялся колдовать над кофемашиной. — И кусок угольного пирога. За счёт заведения. У тебя лицо человека, которому срочно нужны углеводы.

— У меня лицо человека, которому срочно нужен отпуск. Но пирог тоже неплохая альтернатива.

Спорить с ним было бесполезно — кусок легендарного «Угольного пирога с ягодами», чёрного как совесть корпорации, на которую я работала, уже ехал по стойке в мою сторону. Оставалось наблюдать за отточенными движениями Адриана, за мельканием татуированных рукавов. Он был похож на персонажа рок-баллады — свободный, яркий, совершенно не вписывающийся в унылый мир который видели мои глаза. И добрый. До наивности добрый. Однажды он полчаса грел молоко для бездомного кота, просто потому что мог.

— Слушай, — сказал он, ставя передо мной стаканчик, — у нас в пятницу квартирник будет. Живая музыка, всё такое, кажется ты говорила что такое любишь. Придешь?

— Я подумаю.

На нашем с ним языке это означало «нет», и мы оба это знали. Но он всё равно каждый раз спрашивал, а мне каждый раз становилось чуть менее одиноко от того, что спрашивает. Чувствую себя тем бездомным котом.

Дорога домой заняла минут двадцать. Стаканчик грел ладони, пирог в бумажном пакете постукивал о бедро, а город вокруг жил своей круглосуточной жизнью: где-то наверху, на уровне тридцатых этажей, перемигивались окна, внизу гудела пробка, застывшая, кажется, ещё до моего рождения. У перехода активист с плакатом о спасении рек раздавал листовки прямо напротив светящейся витрины с надписью «СКИДКИ ДО 90%». Бриджтаун в миниатюре. Листовку я взяла — из вежливости и потому, что активист выглядел замёрзшим.

Лифт в моём человекинске традиционно приехал с четвёртой попытки. Дома встретили тишина и прохлада. Кроссовки — в угол, себя — на стул в кухне. Какое-то время получалось просто сидеть, обхватив ладонями тёплый стаканчик. Финал дня: остывающий кофе, чужая листовка о спасении рек и вечер, который нужно чем-то заполнить. Взглянув на экран телефона, где висело одно непрочитанное сообщение от абонента Элара «позвоню позже, вызвали на дело», вздохнула и отложила телефон в сторону. Потянулась.

Телевизор в моем доме не включался принципиально — его хватало на работе. Вместо этого с полки была извлечена старая, зачитанная до дыр книга в потрёпанном переплёте. На выцветшей обложке золотом вытиснено: «Сказка о рыцаре с Изумрудным сердцем». Сказка моего детства, читанная столько раз, что переплёт держался на честном слове и добром слове скотча. История о доблестном герое, что спасал королевства и сражался с драконами.

Однако, он не был моим любимым персонажем.

Книга привычно раскрылась на затёртой странице в самом конце. Там, на пожелтевшей бумаге, — иллюстрация: связанная женщина с растрёпанными тёмными волосами стоит на помосте из дров, рыцарь в доспехах отворачивается, толпа ликует. Ведьма из деревни у Тёмного Леса. Злодейка, которую сожгли за чёрное колдовство, — три строчки текста и одна картинка, вот и вся её роль в чужой героической истории.

В детстве на этой странице я плакала. Мама всегда удивлялась: сказка ведь закончилась хорошо, рыцарь победил, зло наказано, принцесса здорова. А мне всё казалось, что с ведьмой

обошлись нечестно. Что её никто даже не выслушал, просто заковали в наручники и отвели на костер. Может, поэтому из меня и вырос человек, который двадцать минут ищет со старушками по телефону кнопку на пульте вместо того, чтобы отбарабанить инструкцию?

Когда кофе допит, а книга вернулась на полку. Из тёмного окна на меня посмотрело отражение — уставшая девушка с чёрными как смоль глазами. Завтра — снова гудки, скрипты и чужой чёрный экран.

Надо всё-таки купить молоко.

Глава 2

День покати́лся в тартарары с самого утра. Не плавно, а рывками, скрежеща и спотыкаясь, словно старый механизм, из которого высыпались все жизненно важные шестерёнки. Началось с того, что надземка на правый берег встала между станциями на одиннадцать минут — где-то на мосту Сент-Этель случился сбой, и весь вагон дружно дышал друг другу в затылки, глядя сквозь мокрые окна на серую ленту реки вниз. Потом выяснилось, что пропуск размагнитился и турникеты «Обсидиана» отказались признавать во мне сотрудника. Охранник на ресепшене, из чёрного мрамора, с трёхметровым логотипом корпорации «Этель» над головой — переоформлял карту семь минут, и все эти семь минут за спиной нарастала очередь из таких же опаздывающих. Очень недовольных опаздывающих.

«Аргентум» занимал три нижних этажа башни — со второго по четвёртый. В городе это шикарным местом: «Обсидиан» был деловым сердцем правого берега, и одно упоминание локации в резюме открывало двери. Но внутри самой башни иерархия была заметна с первого взгляда. Верхние сорок этажей принадлежали «Этель» — там были свои лифты, свои столовые и, говорят, свой зимний сад под куполом. Арендаторы снизу пользовались боковым лифтовым холлом и смотрели из окон не на панораму города, а на глухую стену соседнего паркинга. Четвёртый этаж, опенспейс департамента клиентского сопровождения, был отгорожен от неба тремя сотнями метров чужого богатства и успеха.

В обед проклятый механизм доехал до стеклянного аквариума — кабинета директора департамента, Ричарда Стерлинга. Ощущение внутри было соответствующее: редкая, но очень глупая рыба, которую вот-вот препарируют тупым ножом.

— Адель, я не понимаю, как это могло произойти, — голос звучал холодно и ровно. От этого становилось только хуже. Крик можно было бы списать на эмоции, но ледяное спокойствие не оставляло даже возможности найти лазейку. — Мне утром звонил Харрингтон. Лично. Он в бешенстве. Клиент такого уровня — и с ним разговаривает рядовой специалист, которая не может ответить ни на один вопрос по его контракту.

Харрингтон. «Харрингтон Лоджистикс», грузовые терминалы на обоих берегах, эксклюзивный контракт на юридическое и финансовое сопровождение уже шесть лет. Его портфель вела старшая группа на третьем этаже, у него был персональный менеджер, персональная линия и, кажется, персональная чашка в переговорной. Всё это я узнала сегодня утром. Вчера в четыре часа дня я знала только то, что в трубке очень недовольный мужской голос требует данные, которых у меня не было. И где их брать, к слову, я тоже не знала.

— Я... меня не предупредили заранее. Мне передали звонок за минуту до соединения, — щёки предательски вспыхнули. Взгляд метнулся за стеклянную стену, где за своим столом сидел Марк — мой непосредственный менеджер и виновник этого торжества. Он усердно изображал погружённость в работу, ссутулившись над клавиатурой так, что его почти не было видно. Это он вчера возник над моим столом с трубкой в руке и своим фирменным «возьми, все старшие заняты, ну ты же справишься, ты всегда справляешься». Старшие были заняты — кто кофе, кто обедом, а сам Марк, судя по звукам из его угла, стримом на твиче. А контракт Харрингтона я видела в первый раз в жизни. Моя вина? Отчасти. Но разве только моя?!

— Вас не предупредили, — бровь Стерлинга скептически изогнулась. — Адель, вы взяли трубку — значит, взяли ответственность. Харрингтон приносит нам треть годового оборота, а теперь раздумывает, не уйти ли к конкурентам, потому что «в этой компании никто ничего не знает». Мы серьёзная компания. Здесь не детский сад, где можно сказать «мне не сказали» и пойти играть в песочницу!!

В песочнице хотя бы можно отказаться лепить куличики, — некстати подумалось где-то на заднем плане подсознания, пока каждое его слово вбивалось в голову ржавым гвоздём.

Хотелось закричать, что это нечестно. Что звонок подсунули в последнюю секунду, без документов, без вводных, без единого шанса подготовиться. Что Марк прекрасно знал, кому положено вести Харрингтона, — и промолчал об этом сейчас, на утренней планёрке, глядя куда-то мимо, пока Стерлинг искал виноватых. А извечная неспособность сказать твёрдое «нет» в очередной раз довела до беды. Но слова застряли в горле ледяным комом. Возразить — значило пойти против собственного менеджера и начать уродливую офисную войну с заранее известным счётом. Воевать я не умела. Умела брать вину на себя и тихо страдать — годы практики, которые можно вписать в резюме под соусом «высокая адаптивность и стрессоустойчивость».

— Выговор с занесением в личное дело, — отчеканил он. — И я надеюсь, Адель, что вы сделаете правильные выводы. Можете идти.

Ноги стали ватными. Путь до рабочего места растянулся в марафонскую дистанцию, и каждый взгляд коллег впивался в спину маленькой иголкой. В опенспейсе на семьдесят человек новости расходились быстрее любой внутренней рассылки. Погасший монитор услужливо показал отражение: бледное лицо, тёмные круги, жалко поджатые губы. Даже стикер про молоко смотрел на меня с укором.

Спустя пару минут рядом со стулом материализовался Марк.

— Адель, слушай... неловко получилось, — прошептал он, не поднимая глаз. — Я же не знал, что это сам Харрингтон. Думал, обычный клиент, рутина. Сама понимаешь, все были заняты. Ничего личного, да?

Все были заняты. Удобная отговорка. В этом офисе «все заняты» означало ровно одно: есть кто-то кому лень, и тот, кто не умеет отказывать, и на этого кого-то можно было спихнуть то, что другому было лень.

— Всё в порядке, — соврала я, не поворачивая головы. Голос вышел чужим, глухим.

Он постоял ещё секунду и растворился. Его супер способность — появляться с чужими проблемами в руках и растворяться до последствий. Остаток дня прошёл в тумане: руки механически выполняли задачи, а внутри всё стягивалось в тугую, болезненный узел. Усталость. Раздражение. И нежелание продолжать свой путь.

Дождь хлынул внезапно, стоило выйти из душного офисного центра. Крупные холодные капли забарабанили по асфальту, по крышам машин, застрявших в вечной пробке перед «Обсидианом», по тонкому плащу, который промок почти сразу. Окей, ладно. Холодная вода хоть немного приводила в чувство, смывая липкое ощущение что засело внутри.

Домой можно было доехать надземкой — две станции, четырнадцать минут с пересадкой. Но ноги повернули в другую сторону, к западному входу в парк. Через него путь до «Кузницы» занимал двадцать пять минут пешком, и сегодня эти двадцать пять минут были нужны как воздух.

Парк начинался резко: кованая ограда, старые платаны — и шум проспекта за спиной исчез, будто кто-то резко выкрутил регулятор громкости на минимум. Здесь всегда так было. Снаружи — клаксоны, сирены, гул кондиционеров на фасадах, внутри — гравий под ногами, запах мокрой листвы и странная, почти неприличная для центра мегаполиса тишина.

Дождь разогнал почти всех. Под навесом эстрады, где летом играли концерты, пряталась пара бегунов в дорожных ветровках. На старой чугунной скамейке у пруда сидел человек с картонной табличкой и промокшей тетрадкой и что-то писал, не обращая внимания на воду. Здесь всегда встречались все: миллионеры на пробежке и бездомные поэты, эоактивисты с петициями и курьеры, срезающие путь. Парк никого не сортировал. Возможно, поэтому горожане защищали его как святыню и уже трижды хоронили проекты застройки его южной части.

У пруда я всё-таки остановилась. В чёрной воде дрожали огни — шпили «Обсидиана» и «Александрита» нависали над кронами даже здесь, в самой глубине парка. И всё же это было одно из немногих мест в Бриджтауне, где можно было поднять голову и увидеть хотя бы кусочек вечно заволоченного тучами неба.

Ноги медленно, но вынесли к восточным воротам и дальше, через два квартала, к «Кузнице». Тяжёлая дверь с кованой ручкой, тепло, запах свежемолотых зёрен с корицей — и плечи сами опустились на пару сантиметров.

За стойкой-наковальней, как всегда, колдовал Адриан. Он поднял взгляд, и улыбка его чуть померкла — читать по лицам он умел лучше любого в этом городе.

— О, самый мокрый человек Бриджтауна, — сказал он мягко. — Тебе как обычно? Покрепче, чтобы смыть день?

— Сегодня день не смывается. Сегодня его надо засахарить. Большой латте с карамелью.

— Настолько всё плохо? — он присвистнул, но вопросов задавать не стал. За это его и стоило любить, помимо его доброты, конечно же. Пока кофемашинка шипела и фырчала, наполняя зал божественным ароматом, по стойке в мою сторону приехала глянцева листовка. — Вот, держи. Наша новая акция. Может, поднимет настроение.

На фоне кофейных зёрен и языков пламени крупно значилось: «Кузница — выкуй своё счастье! А наш кофе тебе в этом поможет».

— Выкуй счастье? Звучит как лозунг для гномов, — фраза, однако, почему-то зацепила. — Словно счастье — это вещь. Можно взять и сделать своими руками, как меч или подкову.

— А разве нет? — Адриан поставил на стойку большой стакан с узором-солнышком на пенке. — Оно ведь с неба не падает. Каждый день по крупице: собираешь, плавешь, придаёшь форму. Сегодня — вкусный кофе. Завтра — хорошая книга. Послезавтра — кто-то тебе улыбнётся. Вот и заготовки для личного меча счастья.

— Наверное, ты прав. Только у меня, видимо, кузница закрылась. И молот тяжеловат.

— Тогда начни с малого, — он подмигнул, и кольцо в губе блеснуло. — С первого глотка. Этот раунд за счёт заведения. На открытие кузницы.

— Ты лучший.

— Конечно. — он шутливо фыркнул — Это ведь я, — блондин улыбнулся напоследок и повернулся к следующему клиенту.

Первый глоток — горячий, сладкий, обволакивающий — на секунду ослабил тугой узел внутри. На секунду. Дорога домой под нескончаемым дождём вернула всё на свои места. Каждая капля отдавалась в голове глухим ударом. Взгляд цеплялся за ручки грязной воды, уносящие опавшие листья и мусор, и мысли текли туда же, вниз, в водосток. Хотелось сбежать. Не в отпуск — исчезнуть, провалиться и забыться. Туда, где нет чужих клиентов, дедлайнов, подсушенных трубок, фальшивых улыбок и стеклянных кабинетов. Где не нужно каждое утро надевать маску компетентного сотрудника поверх маленького, испуганного, окончательно запутавшегося ребёнка, который не знает кем он станет, когда вырастет. Где-то между третьим и четвёртым перекрёстком пришло тихое, будничное осознание: это не плохой день. Это плохая жизнь, просто с перерывами на вкусный кофе. И что с этим делать — неизвестно.

Квартира встретила тишиной и полумраком. Верхний свет так и остался выключенным — хватило торшера у кресла. Мокрый плащ — на крючок, ботинки — в угол, пустой стакан — в раковину. Есть не хотелось. Хотелось одного — забыться.

Взгляд упал на полку, где ждала она. «Сказка о рыцаре с Изумрудным сердцем. Моё убежище с тех времён, когда убежища ещё помогали.

Кресло, плед на ноги, знакомая гладкость пожелтевшей бумаги. Первая страница действовала как бальзам — реальный мир начал медленно отступать, растворяться, уступая место волшебству.

«В королевстве, чьё имя давно унесли ветра, всё было соткано из света. Правил там Король — сердцем щедрый, да нравом переменчивый, словно ручей по весне: нынче поёт на солнце, а завтра уж бежит иным руслом. Подле него сияла благородная Королева, а дочь их, юная Принцесса, была чиста, как первый снег на рассвете. Смех её звенел серебряными коло-

кольчиками, волосы лились жидким золотом, и, когда она гуляла по саду, сами розы склоняли перед ней свои ишпастые головы».

Знакомые строки, прочитанные сотню раз. Сегодня глаза выхватили абзац, который раньше как-то проскальзывал мимо внимания — короткий, всего в несколько строк, как и всё, что в этой сказке не касалось рыцаря.

«Но и в самом светлом саду заводится тень. Была при дворе женщина — фаворитка Короля. Глаза её были цвета грозовой тучи, а красота — острой, как кромка льда по первым заморозкам: глянешь — залюбуешься, тронешь — порежешься».

Виски сдавило. Ничего удивительного — после такого дня голова имела полное право бастовать. Рука на ощупь нашла на столике блистер, таблетка проглотилась без воды, горечь на языке немного отрезвила.

Разумнее всего было лечь спать. Но история не отпускала — было в ней сегодня что-то гипнотическое, будто строки читались не глазами, а чем-то глубже. Буквы начали слегка расплываться, и пришлось склониться над страницей ниже.

«Ветер, что дул для неё с полудня, подул с полуночи: Король охладел. А любовь, коей не оставили русла, не высыхает — она уходит под землю и точит камень. И там, в темноте, куда не заглядывает солнце, обратилась она в ненависть — чёрную и кипучую, как смола на костре».

И в этот момент мир пошатнулся. Комната накренилась, свет торшера расплылся в блёклое пятно и стремительно померк. Буквы слились в единую чёрную массу, в ушах зашумело, будто разом прорвало тысячу плотин. Последним ощущением был холод пола, летящего навстречу. А последней мыслью — не мысль, а строчка, застрявшая где-то под черепом.

Чёрная и кипучая, как смола на костре.

А потом — только тьма.

Глава 3

Первое, что я почувствовала, — колючую поверхность под щекой. Что-то впивалось в кожу сквозь ткань, кололо ладонь тонкими сухими иглами. Я пошевелила пальцами и замерла: солома. Откуда в моей квартире солома?

Воздух был густым и тяжёлым. Пахло сухими травами — так остро, что щекотало в носу, — пахло дымом, остывающей глиняной печью и застоявшейся водой. Ничего из этого не могло быть в моей квартире с её запахом кофе и освежителя воздуха «Морской бриз».

Я лежала, не открывая глаз, и уговаривала себя, что это сон. Обычный, дурацкий, слишком реалистичный сон. Сейчас я досчитаю до десяти, открою глаза и увижу свой потолок с трещинкой в углу. Раз. Два. Три...

На счёте «десять» я разлепила веки.

Надо мной нависали почерневшие от времени балки. Толстые, грубо отёсанные. С них свисали пучки сушёных трав, перевязанные бечёвкой. Тусклый свет дрожал на стенах. Источников его было два: одинокая свеча в грубом глиняном подсвечнике на столе и красноватое свечение, пробивавшееся сквозь щели небольшой печи в углу.

— Нет, — сказала я вслух, и собственный голос показался мне чужим: ниже, глубже, с лёгкой хрипотцой. — Нет-нет-нет.

Я зажмурилась. Полежала так, старательно дыша. Снова открыла глаза. Балки никуда не делись. Травы никуда не делись. Свеча продолжала потрескивать.

Тогда я сделала то, что делают все нормальные люди в кошмаре: с силой ущипнула себя за предплечье. Кожа тут же отозвалась болью, на ней остался красный полумесяц от ногтей. Я ущипнула ещё раз, сильнее, до слёз.

— Твою ж мать... — выдохнула я и тут же зачем-то прижала ладонь ко рту. Хотя, если честно, происходящее заслуживало выражений и покрепче.

Боль была настоящей. Слишком настоящей для сна.

Память подбросила последний кадр до того как я погрузилась в сон: жёлтое пятно торшера, расползающиеся перед глазами буквы, холод пола... Я упала в обморок. Точно. Я упала в обморок, и меня... что? Куда-то увезли? Но это не больница. В больницах пахнет хлоркой и лекарствами, а не травой и дымом. В больницах белые потолки и капельницы, хотя увидев такое, стены должны быть мягкими, а руки связаны, однозначно.

«Меня похитили», — мелькнула мысль, и от неё стало почти легче. Похищение — это страшно, но это хотя бы объяснимо. Про такое пишут в новостях, про такое снимают сериалы. Я села, и солома подо мной зашуршала. Сердце колотилось так, что отдавалось в горле и мешало дышать.

И тут я посмотрела на свои руки.

Это были мои руки. Длинные пальцы, знакомая форма ногтей. Но в то же время — чужие. Кожа казалась смуглее, чем моя, а под ней угадывалась сила, которой никогда не было в моих руках, привыкших только к клавиатуре и кружке кофе. Я повернула правую ладонь. На костяшке указательного пальца всегда был быть крошечный шрам — я в детстве упала с велосипеда, содрала кожу до крови, и мама заклеивала ранку пластырем с утятами. Этот шрам был со мной двадцать лет. Я знала его наизусть.

Шрама не было.

Зато на пальцах темнели кольца — старое серебро, мутные непрозрачные камни. Я никогда не носила колец. Я даже не смогла бы сказать какой у меня размер.

— Так, — произнесла я как можно спокойнее, хотя голос предательски дрожал. — Так. Спокойно. Этому есть объяснение. Всему всегда есть объяснение.

Объяснения не было.

Я попыталась дышать по квадрату, как учили на корпоративном тренинге по стрессоустойчивости: вдох на четыре счёта, задержка на четыре, выдох на четыре. На втором «квадрате» я сбилась и поняла, что просто судорожно хватаю воздух ртом. Паника подступала, сжимала грудную клетку, и никакие трюки с дыханием против неё не работали.

Мне нужно было увидеть себя. Немедленно.

Я вскочила на ноги — слишком резко, качнулась, ухватилась за край стола — и заозиралась в поисках зеркала. Его не было. Хижина оказалась проста до аскетизма: стол, пара табуретов, печь, лавка у стены, сундук в углу, охапки трав под потолком. Ни зеркала, ни хотя бы начищенного металла. У стены стояла большая деревянная бочка, до половины наполненная водой. Единственное, что могло показать мне моё лицо.

Медленно, оттягивая момент, я подошла и заглянула в тёмную, неподвижную воду.

Из глубины на меня смотрело моё лицо. И не моё.

Овал тот же. Нос тот же. Но пропали следы усталости, вечные тени под глазами, которые не брали даже самые дорогие консилеры. Кожа была гладкой, с лёгким румянцем на высоких скулах. А глаза... Мои глаза всегда были просто тёмно-карими. Теперь они были чёрными. По-настоящему чёрными, без различимого зрачка, глубокими и пронзительными. Это был взгляд человека, который знает то, чего знать не положено.

Я отшатнулась. Отражение качнулось на потревоженной воде и распалось.

— Это не я, — прошептала я. — Это не я, это не я, это не...

Рука сама потянулась к волосам — и замерла на полпути. Волосы, которые я всю сознательную жизнь стягивала в тугий пучок на затылке, свободно падали на плечи густой тяжёлой волной. Часть их была заплетена в небрежную косу, и в неё кто-то вплёл тонкие кожаные шнурки и крошечные серебряные бубенчики. Я осторожно качнула головой — бубенчики отозвались тихим мелодичным звоном. От этого невинного звука меня передёрнуло. Кто-то заплетал эти волосы. Кто-то вплетал эти бубенчики. И этот кто-то была не я.

Только теперь я разглядела одежду. Длинное, почти до земли платье из плотного тяжёлого бархата — в тусклом свете не разобрать, то ли глубокого винного цвета, то ли тёмно-зелёного. Ткань старая, но добротная, местами вытертая на локтях. Я провела по ней ладонями — и пальцы наткнулись на множество потайных карманов и петелек, скрытых в складках. Я начала проверять их один за другим. В первом лежал пучок сушёной травы. Во втором — гладкий речной камень с дырочкой посередине. В третьем — маленький холщовый мешочек, туго перевязанный ниткой; развязывать его я не решилась. Широкий кожаный пояс охватывал талию, и на нём тоже висели мешочки и связки чего-то сухого и шуршащего.

На шее что-то холодило кожу. Я опустила взгляд: несколько амулетов на кожаных шнурках — почерневшее серебро, вороны перья, переплетённые корешки какого-то растения. Я взялась за шнурки, чтобы сорвать всё это с себя, — и не смогла. Пальцы не слушались. Что-то внутри — новое, чужое, не моё — точно знало, что этого делать нельзя. Знание было твёрдым и бесспорным, как таблица умножения. Я разжала пальцы и опустила руку.

Ноги подкосились, и я села прямо на деревянный пол, привалившись спиной к бочке.

— Думай, — приказала я себе. — Думай, ты же умная. Ты по типу личности аналитик. Ты решаешь проблемы. Разложи по пунктам.

Я стала перебирать варианты — методично, по порядку.

Сон — отклонено. Боль настоящая, запахи настоящие, во сне не бывает столько подробностей, и во сне нельзя дважды ущипнуть себя до синяка.

Кома и галлюцинации — возможно, но сомнительно. Откуда моему мозгу знать, как пахнет все это вперемешку с печной глиной? Я эту траву, название которой даже не знала, в жизни не нюхала.

Похищение — отклонено. Никакие похитители не смогли бы стереть двадцатилетний шрам с моей руки, перекрасить мне глаза и удлинить волосы за одну ночь.

Сумасшествие — на этом пункте я задержалась дольше всего. Оно почти утешало. Сумасшедших лечат. К сумасшедшим приезжают врачи. У сумасшествия есть диагноз, протокол и прогноз.

Где-то снаружи закричал петух — хрипло, буднично. От этой обыденности стало только страшнее. Мир за стенами хижины жил своей жизнью. Настоящей. Плотной. Он никуда не собирался исчезать и не интересовался моим мнением на этот счёт.

Я снова ущипнула себя — уже без надежды, просто по инерции. Потом ещё раз. Рука выше локтя горела и наверняка покроется синяками. Если в этом теле вообще бывают синяки.

И тогда, в тишине, нарушаемой только потрескиванием свечи, память сделала то, чего я так боялась. Она начала осторожно подсовывать мне картинки: старая книга в потёртом переплёте, купленная на развале за смешные деньги двадцать лет назад. Сказка, которую я читала перед тем, как потерять сознание. Мрачная история о рыцаре, что спас деревню на краю проклятого леса. О дочери фаворитки короля, что выкинули жить на отшибе. О том, чем всё для неё закончилось...

— Нет, — оборвала я себя вслух. — Даже не начинай. Это бред. Люди не попадают в... Договорить я не успела.

В дверь ударили — резко, тяжело, так, что дрогнуло пламя свечи и с балок посыпалась труха. Я подскочила на месте. Удар повторился. Потом ещё один, и ещё — настойчивые, злые, кулаком или даже ногой.

— Эй! — раздался снаружи звонкий раздражённый женский голос. — Отворяй давай! Оглохла, что ль?! Я знаю, что ты там!

Я вжалась спиной в бочку, боясь пошевелиться. Бубенчики в волосах тихонько, предательски звякнули.

— Отворяй, юродивая! — стук стал совсем яростным, дверь ходила ходуном на петлях. — До сумрака мне тут околачиваться?! Отворяй, кому говорю, ведьма! Ведьма.

Слово упало в тишину хижины и осталось в ней. Оно было адресовано мне. И самое страшное — какая-то часть меня уже знала, что это правда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.